

ДОН-АМИНАДО

Король и принц

(Уроки истории)

Слушайте, как это случилось! Ибо случилось вот что:

В половине февраля 1918 года, в семь часов вечера, в городе Москве, на Лубянском проезде, в Политехническом музее произошло событие, настоящий смысл которого оценят только грядущие летописцы и историки.

Чуткая русская молодежь в невиданном дотоле количестве собралась в этот вечер для того, чтобы...

Нет, нет, не так!

Она собралась, эта чуткая молодежь, не для того, чтобы избрать военачальника добровольческих батальонов, предназначенных отразить нашествие врага!

И не для того, чтобы сформировать самые батальоны.

И не для того даже, чтобы вынести резкую резолюцию, запрещающую врагу приближаться к воротам города.

И не для того, чтобы соорудить самые ворота.

Нет, нет и трижды нет!..

В тот самый час, когда его королевское высочество принц Леопольд Баварский вел свои железные армии по снежным русским полям, в тот самый миг, когда черные крылья прусского орла уже отбрасывали свою зловещую тень над обреченной страной, когда тяжелая медь вражьих труб рокотала над тихими садами, — русские юноши и девушки собрались на изысканный праздник, на великолепный турнир, на всероссийское состязание... поэтов!..

Весело, весело, весело!..

Гениальный Давид Бурлюк, прямой потомок Ружье-де-Лиль, с уверенностью опытного дрессировщика взшел на эстраду,

презрительно поджав губы и поглядев на публику в серебряный лорнет, прокричал «стихи» о беременных мужчинах...

Ни более и не менее.

Не успели смолкнуть аплодисменты, как пред очами восторженных юношей и девушек предстал г. Маяковский.

С добросовестностью неуклюжего семинариста он прочитал «Облако в штанах» к немалому удовольствию собравшихся.

Голос у Маяковского богатырский, но в жаркой аудитории он несколько терялся и звучал гораздо хуже, чем три с лишним года назад на патриотическом митинге, митинге, когда, взобравшись на многострадального Скобелева, этот неукротимый энтузиаст призывал «стереть вражью кровь на русских саблях шелковым бельем берлинских кокоток...»

Ни более и не менее.

Продефилировал на эстраде еще добрый десяток трубадуров и миннезингеров, поэтов и поэтесс, всяческого звания и вероисповедания.

Читали они и о любви, и о Вечности, и о смерти, и о недрах земных, и о вершинах горных.

Юноши и девушки аплодировали, но чувствовалось, что это не то, что некто, отмеченный Роком, еще только грядет во полнощи!..

И он пришел.

Зал дрогнул, заволновался и зашумел, как море в час прибоя.
— «Я гений, Игорь Северянин!..» — и настоящая буря восторгов прокатилась под старыми сводами.

— Это он, он, он!.. Он — наш король, а мы его подданные!.. Единственный!.. Державнейший!.. Преславный!.. Премудрый!..

И тысячи рук, незанятых никаким оружием, ни огнестрельным, ни холодным, потянулись к античным урнам, чтобы опустить в них четырехугольные знаки смиренного верноподданничества и через каких-нибудь пять минут предопределенное от века свершилось:

— Король был избран!

На него возложили венок из искусственной брусники и под рев и вопли всего зала повели к золотому трону поэзии.

Бурлюк и Маяковский стали по бокам в качестве приближенных феодалов.

Оба они о чем-то шептались и зловеще перемигивались.

Так начинались обычные придворные интриги.

Но его королевское величество, король русских поэтов, был доволен:

— В конце концов, история справедлива!.. — с грациозной улыбкой сказал свите Игорь Северянин.

Не менее доволен был и его королевское высочество, принц прусских прозаиков:

— В конце концов, история справедлива!.. — заметил приближенным Леопольд Баварский.

И приближенные не спорили.

